

ЯН ПОЛИЩУК

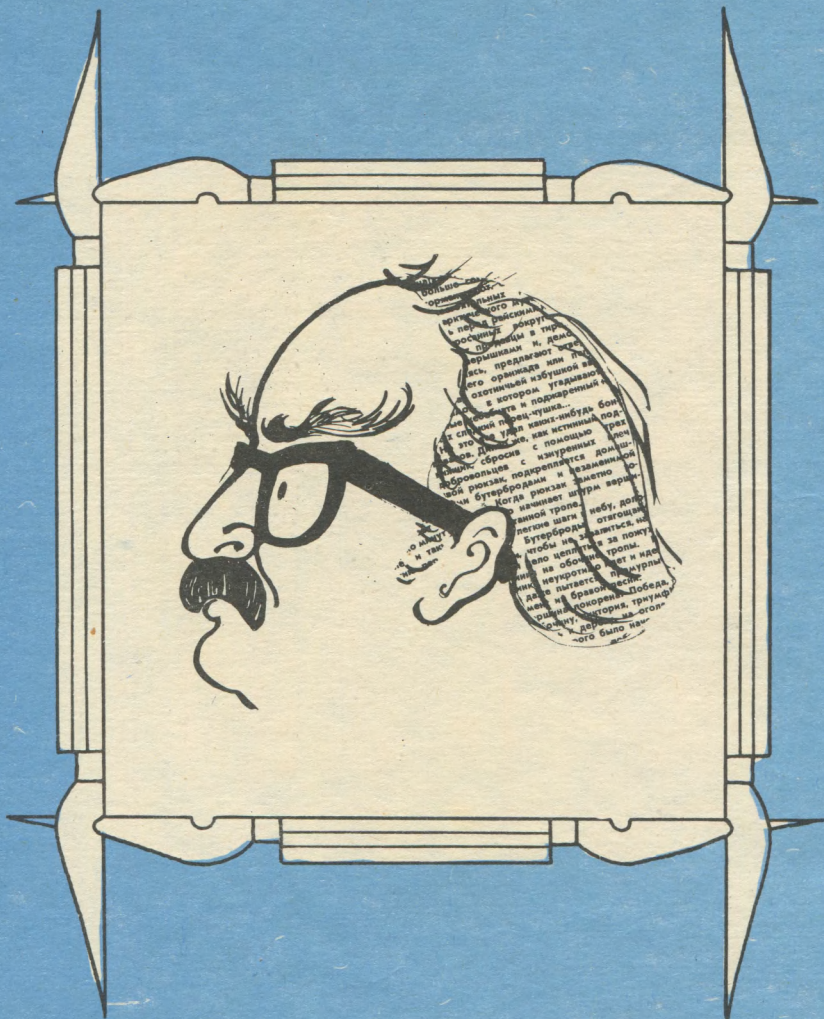
ГЕНИЙ ИЛИ ЗЛОДЕЙ?

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

16
(1957)

ISSN 0132-2141.

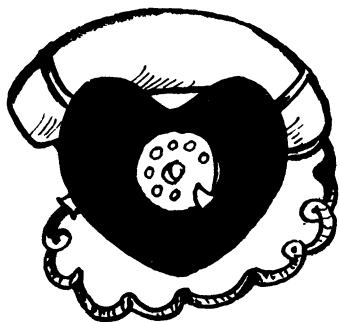
Ян ПОЛИЩУК

ГЕНИЙ ИЛИ ЗЛОДЕЙ?

Фельетоны

Дружеский шарж и рисунки В. СОЛОВЬЕВА

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1984**

ПОЛУКРУГ СЕМЬ

А ведь все начиналось так романтично...

Потеряв супругу, пенсионер Вадим Георгиевич жил анахоретом. И вот однажды, разнообразя интеллектуальный досуг, он рылся в телефонной книге и наткнулся на однофамилицу. Затаив дыхание, он набирает номер. Ему отвечает виолончельный голос. Оказывается, голос принадлежит жене его неведомого племянника. Да, да, все родственники живы и только грезят, как бы повидать Вадима Георгиевича.

Вадим Георгиевич извлекает из насыщенного нафталином комода сюртучную пару и поспешает в гости. Его встречает, извините за бестактность, особа отнюдь не юная, однако не утратившая привлекательности. С нею была дочь. Мужа на горизонте видно не было. Увы, незадолго до этого визита Валентина Александровна разошлась с супругом. Это показалось гостю хорошим предзнаменованием.

Подали розетки с джемом, сваренным собственными ручками хозяйки. Это почти доконало гостя. К концу раута этот обычно сдержанный джентльмен растерял свою чопорность и щедро расточал окаменелые остроты.

Вернувшись домой, Вадим Георгиевич предался матримониальным

размышлениям. Математик Лобачевский показал, что существуют пространства, в которых параллельные прямые пересекаются. Что, собственно, может удержать Валентину Александровну от нового брака? Живет она вместе с дочерью, которая вот-вот выскочит замуж. Служит в научном учреждении, среди опостылевших сотрудников и общественных нагрузок. Словом, невзирая на изрядную разницу в возрасте, Вадим Георгиевич решил сделать своей далекой родственнице предложение.

Конечно, соответственно годам Вадим Георгиевич на любовь смотрел не так, как нынешние вертихвосты.

— Протон души моей,— говорил он,— брак есть предприятие, требующее юриспруденции. А посему проследуем в загс, где скрепим наши чувства в присутствии шаферов и с приложением гербовой печати...

Свадьба удалась на славу. Все в женихе дышало солидностью: и лицо старого чекана и академическая седина. Невеста была мила и приветлива. Тамада, стуча вилкой по фужеру, кричал «Горько!», не ведая о вещем смысле этого призыва. Молодожены суетливо целовались, изредка улавливая звенящий шепот гостей: «Невеста-то, говорят, у первого мужа оттяпала полдачи. А еще интеллигент научного склада!», «Да что с жениха возьмешь? Кожа да игральные кости», «Не скажите, хоть ветхая, а все же автомашина, да и квартира с раздельным санузлом. И все же какой-то возрастной мезальянс!», «Ах, годы — это не паспорт, а темперамент. Гляньте, лобзаются, как голубки с новогодней открытки...»

Да пусть их! Всегда найдутся скептики, готовые посудачить насчет хозяев, даже закусывая на их счет... Правда, Вадиму Георгиевичу припомнилось, что когда невеста навестила его гнездышко, первый вопрос у нее был отнюдь не галантный:

— А квартира действительно отдельная?

— Как собачья конура,— мрачно пошутил жених, явно рассчитывая, что его немедленно почешут за ухом.— И никто нам не будет препятствовать вести диалоги в духе Платона...

— А вот гардеробчик не мешало бы освежить, уж больно он пропитался антимошью. Шубку вашей первой жены, мы, пожалуй, перешьем, затем купим софу и магнитофон «Весна» для культурного совершенствования...

— Как скажете, протон души моей, как скажете! Только оказывайте мне максимум внимания. А в качестве свадебного аванса позволяйте вручить вам часы «Заря» с золотым браслетом.

Валентину Александровну не пришлось долго уламывать. Вадим Георгиевич продолжал рассудительно развивать свою мысль:

— Часы — это инструмент, который будет фиксировать каждую минуту нашего медового месяца. Кстати, проведем-ка его в регионе Минеральных Вод. Заодно я полечу свой гастрит...

Ах, Минводы, Минводы — целебное местечко! Правда, кто-то позлословил и насчет этого курорта: здесь, дескать, лечатся желудки и разбиваются сердца... Нет, нет, мы не имеем в виду ничего предосудительного. Просто именно там начались между молодоженами первые конфликты. Возможно, на почве, как это классифицировали бы социологи, несовместимости мировосприятий, что ли...

Скажем, пока супруг, вооружившись фаянсовым кувшинчиком, шлепает к источнику для принятия подогретого нарзана, супруга, отличающаяся отменным здоровьем, глазеет на ансамбль горцев в кудлатых папахах. Или наоборот: супруга расположена вспорхнуть на ближайший холм, чтобы там декламировать нечто вроде «Кавказ подо мною, одна в вышине...», а супруг, справляясь с одышкой у подошвы терренкура, набычивается: «Почему одна? А где же максимум внимания?»

— Я все же научный работник со взглядами, а не какая-нибудь такса на поводке, — парирует супруга. — И потом у вас сейчас процедуры.

— Процедуры, процедурин, — бурчит супруг. — Кто вас знает, с кем вы там в ансамбле сплясались. Нет, похоже, вы вышли за меня замуж не для обеспечения бытового тыла, а ради прописки. Вы обручились со мной не чтобы наблюдать за моим организмом, а из-за часов «Заря» с золотым браслетом...

И вот тут буколическая часть нашего повествования переходит в мелодраматическую. Не очень, признаться, охота вторгаться в чужую семейную жизнь. Но сама эта семейная жизнь уже вторглась в сферу общественную. После возвращения домой Вадим Георгиевич потребовал вернуть шубке первой жены ее первоначальный облик, а часы «Заря» упрятать в комод вплоть до особого распоряжения. Когда же после полугода ссор Валентина Александровна принялась упаковывать саквояж, дабы на время удалиться к дочери зализывать моральные раны, Вадим Георгиевич, роняя себя, пнул поклажу башмаком:

— Уходите? Уходите! Но я подам в суд о признании брака недействительным!

И действительно, ухлопав несколько дней на оформление юридических документов, Вадим Георгиевич предстал перед судьей.

— Прошу признать брак несостоявшимся.

— Простите, но это какая-то мелкая суетня, — удивилась судья. — Вы же прожили, как подтверждают, душа в душу чуть ли не год.

— Я думал, она будет сдувать с меня пылинки, а она занята общественными нагрузками. А насчет прожитого отмечу так: полгода мы прожили душа в душу, а полгода она плевала в нее.

— То есть как?

— А морально! Игнорируя мой гастрит и не желая вести беседы в духе Платона... Прошу признать...

Судья без труда разгадала маневр истца. Ежели признать брак недействительным, то супруга останется на бобах. Но ведь все протекало по закону — в присутствии шаферов и с приложением гербовой печати. Брак длился достаточное время, да и кое-что они, кажется, нажили в течение совместной, пусть пасмурной жизни. Что скажет на это ответчица?

Ответчица поняла, что надвинулся ее звездный час.

— Платон мне друг, но истина дороже. Я имею право, во-первых, на часть квартиры, а во-вторых, на шкаф трехстворчатый, софу полумягкую, магнитофон «Весна» и пуховое — будь оно неладно! — двуспальное одеяло...

— Это все может войти во встречный иск. А пока я не нахожу оснований для признания брака недействительным. Всего хорошего!

Но чего уж тут хорошего, если недавние открыточные голубки смотрят друг на друга волком? Супруг принялся двигать жалобы по инстанциям, напирая на то, что некая корыстолюбивая однофамилица хочет ободрать его, разиню-пенсионера, как липку. И вот супруги, встречаясь в тоскливых судебных коридорах, уже обмениваются свирепыми междометиями.

Но междометия междометиями, а закон законом. Один суд присуждает часть квартиры Вадима Георгиевича его супруге, другой находит, что ей должна отойти и толика имущества. Однако Вадим Георгиевич не утихомирился, он требует возврата презентов, которые были даны невесте на время.

— На какое время? — с любопытством спросила одна из судей.

— На время брака, разумеется. А раз он кончился, пусть вернет все семейные реликвии.

Но Валентина Александровна не возвращает. Более того, она уже торопится разменять квартиру и даже зарится на запасные колеса для автомашины, которук за это время нерасчетливо сменил Вадим Георгиевич.

Если говорить начистоту, то у меня от этих семейных коллизий не осталось иллюзий. Два человека, считающие себя порядочными, высокообразованными, интеллигентными, наконец увязают в мелко-оптовой торговле, словно рыночные сквалыги. Эх, бросила бы Валентина Александровна все это к чертовой бабушке и как личность передового научного склада гордо удалилась бы к дочери, в свою двухкомнатную кооперативную квартиру. Но нет, она упорствует, как считает Вадим Георгиевич, упорствует в силу своей корыстной природы...

Впрочем, упорствует и наш чопорный джентльмен. Разгневанный и разочарованный, бродит Вадим Георгиевич из одного судебного присутствия в другое, подсчитывая убытки и кляня свою судьбу. Клянёт он и законников, вынесших естественное решение. И приятелей, не отговоривших его от сумасбродного мезальянса. И даже меня,

занявшего для этой затрепанной темы мораль у современного последователя того же Платона: «Подумай, прежде чем подумать!»

Нет, обижаться Вадиму Георгиевичу не на кого и незачем. Может, только на самого себя. Или на фатальную телефонную книгу. Ну, в крайнем случае на математика Лобачевского.

ВЕНДЕТТА ПО-НАУЧНОМУ

Дочь профессора примчалась в дом к родителям розовым утром. Роняя из глаз слезы величиной с виноград «дамские пальчики», она второпях зовет отца:

— Папа, папа! В наши сети мы поймали подлеца!

Папа был готов дать волю раскаленным эмоциям. Но природная интеллигентность берет верх. Да и как профессор по части точных наук он предпочитает хладнокровно систематизировать факты.

— Во-первых, какие перед нами данные?

— Мой муж увлекся одной фигуранткой.

— А я полагал, что он способен увлечься только геометрическими фигурами. А во-вторых?

— Я собрала чемоданы, а он собирается подать на развод.

— Не слишком ли мало исходных для решения домашней теоремы?

— Во время ссоры он шлепнул меня... гм... в мадам «Сижу».

— Вот теперь пора действовать и нам! — перехватила инициативу мама. — Сядь за секретер и сообщи в деканат, что это письмо ты пишешь поневоле стоя... Как математик, я знаю, что такое превратить нечто значимое в бесконечно малую величину.

— Стоит ли? — засомневался папа.

— Стоит! Пиши, пиши. Так надо.

Взволнованно переводя дыхание, дочь набрасывает жалобу, смысл которой сводится к тому, что ее муж, аспирант, — разрушитель собственной семьи и осквернитель нашей морали. А посему она просит как можно скорее спровадить его с кафедры.

И вот уже сошлись на внеочередном заседании члены факультетского ученого совета. И вот уже председатель ареопага, строго сдвинув брови, провозглашает, что слушается дело по обвинению аспиранта.

— Какой мы отсюда извлечем корень?

Тут поднялся молодой член совета и, преодолевая субординационную робость, заметил:

— Стоит ли внедряться широкому форуму научных работников в узкую семейную сферу?

Но ему быстро был дан отпор:

— У вас явный пробел в мировоззрении. Семья — ячейка общества, и наша задача — приглядывать за этой ячейкой в оба. Достойно ли молодого ученого во время ссоры шлепать свою супругу? Вот, кстати, и справка от эксперта подоспела...

Словом, завязалась дискуссия. Молодой член совета продолжал доискиваться, почему семейному конфликту пытаются придать звучание драмы, достойной пера небезызвестного Вильяма Шекспира. Он просил учесть и плюсовые факторы: с успехом оканчивает аспирантуру, опубликовал около двадцати оригинальных работ и досрочно защитил диссертацию, за каковую ему вот-вот дадут степень кандидата наук...

— Вот именно, вот именно! — вскричал, озаряясь загадочной улыбкой, немолодой член совета. — Так что самое время уважить просьбу дочери нашего коллеги и спровадить аспиранта с кафедры за аморальное поведение.

— Это еще зачем? Ведь он уже подал на развод. Разве разводиться — это аморально? Сформулируем что-нибудь вроде «неподобающее» и т. д.

— И т. д. ему еще предстоит. Пишите, пишите. Так надо.

И хотя над синклитом маячила тень профессора, подобно тени отца Гамлета, ректорат не утвердил решение научного совета и вынес аспиранту выговор за неподобающее поведение. Впрочем, для

успокоения страстей он не был рекомендован после окончания аспирантуры для работы на кафедре в качестве ассистента.

Аспирант выбрался на улицу, колеблясь от потрясения. Он застался бы больше, если бы предвидел, какие еще ожидают его сокрушительные удары. Не удовлетворившись достигнутым, жалобница потребовала взгреть своего недавнего любимого супруга еще и по общественной линии. И вот уже, обсудив аспиранта со всех сторон, факультетское бюро комсомола объявляет ему за те же показатели строгий выговор. Но и тут нашелся скептик, оспоривший слово «аморальный».

— Это еще зачем?

— Пишите, пишите. Так надо.

Однако институтский комитет комсомола тоже счел эту формулировку чрезмерной и, утвердив размер взыскания, остановился на том, что квалифицировал поведение аспиранта как недостойное. Дело здесь было не только в термине, дело здесь было в ином. И вот тут с позволения читателя мы раскроем скобки.

Казалось бы, дочь профессора должна быть удовлетворена. Но вендеттные страсти продолжали ее сотрясать. Все предшествующее было, если хотите, только пристрелкой перед главным сражением. Едва подсохли печати на протоколах, как новый манускрипт следует в институтский спецсовет, ведающий диссертациями. А согласно инструкции, кандидат в кандидаты лишается права на утверждение в ученой степени, если его, так сказать, моральная физиономия неадекватна, так сказать, его научному облику. И вот, ссылаясь только на решение факультетского научного совета, дочь профессора добивается того, чтобы утверждение ученой степени ее теперь бывшему супругу было отложено на неопределенное время.

Да-с, нужно отметить, что заключительный демарш был точен и эффективен. И, что характерно, совершенно в духе времени. Ведь если бы все это происходило в ту же шекспировскую эпоху, нашелся бы, скажем, доброхот, который вызвал бы обидчика на поединок и проткнул его отточенным клинком в назидание и поучение. Но наш просвещенный век, видимо, диктует свои способы возмездия. Как хорошо, что можно уповать на такую неотразимую, действенную силу, как общественность!

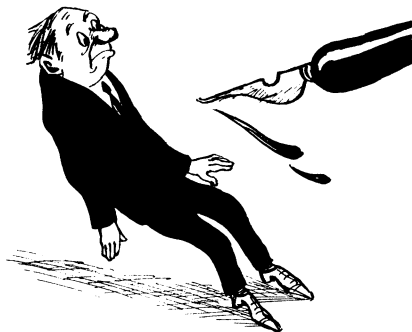
И все-таки стоит остановиться, оглянуться... Можно понять дочь профессора. В своем желании отомстить обидчику она вовлекла в водоворот конфликта многих людей. Следуя примеру своих предшественниц в подобного рода семейных коллизиях, она подключила чуть ли не весь город, требуя санкций, приговождения к позорному столбу и даже небольшого аутодафе. Забыв при этом, что вмешательство внешних сил в такого рода дела редко приводило к благому исходу. А пожалуй, даже наоборот, весьма часто вызывало: а) полный отрыв десятка занятых людей от выполнения ими прямых

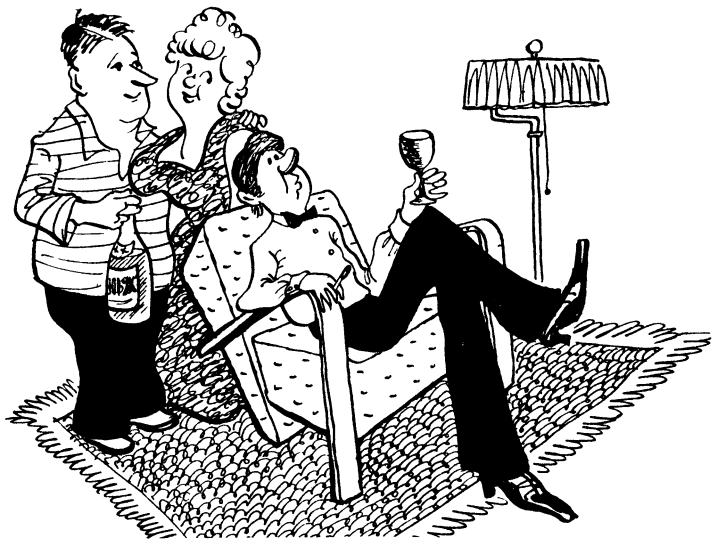
обязанностей; б) глубокий стресс обеих конфликтующих сторон и в) даже частичное сокращение столь желанного нами долголетия...

Однако мы предвидим смущенное покашливание читателя. Дескать, не иронизируют ли авторы над решениями администрации и общественности? Не пытаются ли обелить своего антигероя?

Ни в коем разе! Мы тоже полагаем, что оскорблять действием жену даже на бракоразводной стадии не лучшее решение семейной теоремы. Нам тоже несимпатичны поступки аспиранта: виноват — получай по заслугам, несмотря на научные заслуги... Но ежели присмотреться, никто — ни в семье профессора, ни в институтских организациях — никто палец о палец не ударил, чтобы, говоря языком художественных образов, склеить разбитую чашу семейной жизни. Все лишь подбрасывали в костер конфликта охапки валежника, отталкивая стороны друг от друга все дальше и дальше. Не нужна ли была тут та самая «мера за меру», к которой призывал нас небезызвестный Вильям Шекспир?

Впрочем, нашелся один мудрый советчик из научного круга. Завидев отлученного в конце концов от работы на кафедре, от ученой степени бывшего аспиранта, весь облик которого выражал крайнее разочарование в жизни, он порекомендовал ему одуматься и — хотя бы во имя карьеры — восстановить идиллические отношения с дочерью влиятельного профессора. Но тот упрямо отказался просить прощенья. Дело завели так далеко, что идти на поклон, признался он, это значит и впрямь почувствовать себя бесконечно малой величиной.

Демографы неустанно твердят, что имеет место стремительный рост населения городов. Однако в своих выкладках они не учитывают один посыл, который, к счастью, взялись описать мои коллеги. За последнее время фельетонисты с таким темпераментом навалились на ловкачей, коих общественность именует фиктивно брачующимися, что у меня едва не сложилось впечатление, будто города разбухают именно за этот счет.

Я тоже сгоряча чуть не внес вклад в эту щекотливую тему, когда ознакомился с делом Владимира Ф. Ну, думаю, попался, голубчик! Однако при пристальном рассмотрении фактов возникли колебания. Похоже, наш герой не столько злоумышленник, сколько жертва фатальных обстоятельств.

Тут, конечно, читатель захочет узнать хотя бы короткую историю вопроса. Пожалуйста, никакой утайки... Итак, начнем с того, что двадцать пять лет назад два студента, Анна Б. и Михаил К., в паузах между научной доукой облюбовали друг друга и решили пожениться. За столицу наши молодожены не цеплялись, ни на чью жилплощадь не замахивались, а как только подоспело положенное время, переместились в город, куда их нацелила соответствующая комиссия.

Между нами говоря, Михаил К. предпочел бы родной город, где у него проживали родители. Но свежееиспеченный специалист в незнакомом месте отдавался своей работе с изрядным пылом. Словом, все покатилося заведенным порядком — тихо (я хотел было автоматически добавить «и мирно», но, увы, мира-то в семье и не стало). Порой и близкие начинают нас огорошивать неведомыми ранее пороками. Впрочем, порок, который стреножил Михаила К., примечала не только его жена, но и окружающие: стал, сердечный, пропускать за галстук — сначала рюмочку-другую, а потом и бутылку — третью...

Горячительные напитки, как известно, мало способствуют подогреву согласия в семье. И спустя время супруги отшатнулись друг от друга. Михаил К., оставив на попечение супруги двух сыновей, выписался в родной город, где, как уже было сказано, проживали его родители и где, как еще не было сказано, они построили кооперативное общежитие.

Соломенная вдова потужила некоторое время, но жизнь, как утверждают философы, есть жизнь, и через два года, приглядев положительного человека, решила сочетаться с ним законным браком. Это и был Владимир Ф.

Словом, все покатилося заведенным порядком — тихо (тут я хотел снова добавить «и мирно», но, увы, мира-то в семье и не стало). Старший сын Анны, достигший к этому времени возраста, когда скептически поглядывают на родителей, почему-то настроился против отчима. И без затей объявил, что укатывает к родному отцу, а там уж будет видно...

А видно стало не самое безмятежное. Лишившись маминого ока, юноша заколобродил и даже стал якшаться с некоей беспутной компанией. Озадаченный отец бросился к междугородному телефону:

— Ах, Анна, Анна! Быть может, забудем былые шероховатости и хотя бы ради детей заживем у меня вместе? А на квартиру махни рукой...

Так выглядела эта, быть может, несколько мелодраматическая коллизия. Я даже подумал, что иному профессионалу здесь за глаза хватило бы реалий для пьесы из двух действий с антрактом на буфет и счастливым финалом. И верно, кто бросит даже крошечный булыжник в женщину, обеспокоенную судьбой безалаберного сына? Казнясь перед Владимиром Ф., она обряжает младшего сына в дорожный костюмчик и мчитя вместе с ним к прежнему мужу. И тут наконец я могу без колебаний сказать, что в восстановленной семье К. все пошло тихо и мирно.

Но зато далеко не мирно и весьма не тихо складывались события у оставленного ею Владимира Ф. После развода, прокуковав почти четыре года, он снова женится на хорошей женщине и без всякой задней мысли стучится в райисполком с просьбой переадресовать

лицевой счет на свое имя. Анны он не дождался, теперь у него новая семья, и он хотел бы, чтобы все приобрело юридический статус.

Ну, а теперь самое время поведать, как эта мелодраматическая история приобрела драматический привкус. В райисполкоме сразу же всполошились. Постойте, так это же типичная уловка с целью переуступки мебелированного семейного гнезда. Не может быть и сомнения, что брак между супругами К. был расторгнут именно для последующего заключения фиктивного брака Анны К. с Владимиром Ф. Доказательства? Гм... Отыщем, если нужно. И в прокуратуру района направляется исковый меморандум, вызвавший улыбку даже у не очень склонных к юмору работников следствия. Согласно райисполкомовской гипотезе, Владимир Ф. вот уже как десять лет владеет ключом от квартиры, которая ему не принадлежит, потому что:

при расторжении матримониального союза супруги К. не затевали склоки по поводу раздела имущества;

укатывая, Михаил К. не предпринял попыток разменять свое бывшее пристанище на два в разных регионах;

прожив бок о бок около двух лет, Анна К. и Владимир Ф. не позаботились произвести на свет очередного ребенка...

Разумеется, эта аргументация была отвергнута работниками прокуратуры. Но в райисполкоме сидели люди, которые не любят миндальничать. Они переправляют дело в суд. И вообразите только, суд нашел гипотетические доводы истца убедительными. И спустя десять лет после мелодраматической завязки принимается, повторяем, драматическое решение — выселить семью Ф. на все четыре стороны света...

И пусть вторят десятки соседей, что Анна и Владимир вели общее хозяйство и общались, как положено любящим супругам, но вовсе не желая пополнить семью еще одним наследником... Пусть Михаил К. подтверждает, что он не стал покушаться при отъезде на общесемейные вещи, сохранив остатки джентльменства, и вряд ли за полтора года до ее нового брака прикидывал, кому бы уступить обиталище... Пусть он же подивился идее истца о размене жилплощади, если у него имелся в наличии новенький дом... Нет, никакие доводы и доказательства не поколебали недоверчивых судей.

А ведь ежели поразмыслить, подозрения никогда не служили доказательством в юриспруденции. Достоин ли суда формулировать свои решения на основе одних лишь прикидок и предположений?

Тут вспоминается герой одного сатирического романа, обладавший столь неумеренной подозрительностью, что после того, как с кем-либо здоровался, пересчитывал пальцы на собственной руке. Забавно, но, в общем, достаточно безобидно. В отличие от местной Фемиды с увесистым безменом в карающих дланях.

Сначала часть драматическая.

Свежим фиолетовым утром, когда ребятишки поселка собирались в школу, к воротам самого капитального дома по центральной улице прокралась молодая женщина. Лик ее был полускрыт темным платком, а глаза с тоской всматривались в наглухо задраенную калитку в крепостном заборе.

Но вот калитка распахнулась, и на улицу гуськом вышли трое детей. При виде женщины они бросились к ней, но тут же застыли на месте, услышав свирепый голос:

— Назад! Я же говорил вам — это плохой человек!

И троица, тревожно озираясь на заслонившую проем калитки дюжую фигуру, неохотно уходит...

Сцена эта повторяется едва ли не каждую неделю. Ни для кого из жителей поселка не является секретом, что происходит. Более того, они не усматривают здесь драматизма. «Э,— говорят они.— Все согласно обычаем».

И спокойно наблюдают, как медсестра местной больницы Зульфия приходит сюда, чтобы хоть мимолетно взглянуть на своих детей — старшую Зуру, среднего Саида-Абдулла и младшего Саида-Магомеда.

Мы набросали эту картину отнюдь не из желания вызвать у читателя сентиментальный отклик. Есть иные, более серьезные причины. И тут самое время перейти к части, которую можно именовать юридической.

Некоторое время назад в районный суд явилась та же дюжая фигура, бесцеремонно толкая перед собой молодую женщину.

— Абдул-Хамид,— представился он.— Старший мастер лесхоза. А это моя так называемая жена Зульфия. Пришли разводиться.

— Давайте вместе разберемся,— сказал судья,— кто виноват.

Истец, пригвождая взглядом ответчицу к стулу, напористо сказал: — Она. Бросила на меня детей и сбежала к родителям. Прошу расторгнуть...

Судья, подивившись такому акту бессердечия со стороны молодой матери, нашел нужным уточнить, так ли все было.

— Просто ему понравилась другая,— сконфуженно пояснила ответчица.— И он выгнал меня, как и свою предыдущую жену. А детей хочет оставить у себя — согласно обычаю. Так что прошу не расторгать. В крайнем случае умоляю оставить мне детей.

Суд вынес свой вердикт: отдать детей матери, а с отца взимать алименты на их содержание. Больше того, ответчице было предложено стать, в свою очередь, истцей и возбудить иск о разделе совместно нажитого в браке добра. Услышав этот совет, Абдул-Хамид взорвался:

— Смотри, бывшая жена! Не бросай щепки в колодец, из которого ты пила.

После этого угрожающего заявления произошли события, которые можно назвать детективными.

В субботний день, когда медсестра была на дежурстве в больнице, а ребятишки беззаботно резвились на майданчике около дедушкиного дома, из-за угла с шиком вывернула автомашина. Из нее выскочил какой-то человек в надвинутой на глаза папахе, молниеносно усадил остолбеневших детей на заднее сиденье и, рванув с места, растворился в утреннем тумане.

Легко представить, какой ужас обуял молодую женщину, экстренно отозванную с дежурства, и ее стариков родителей. Впрочем, гадать им пришлось недолго. Как свидетельствовали очевидцы, похищение было делом рук Абдул-Хамида.

Понятно, что уже через полчаса пришибленная горем мать оказалась у ворот капитального дома на центральной улице. Но тщетно зывала она о возвращении детей. Из-за забора доносилась лишь брань, разбавленная пояснениями насчет того, что не видать ей детей, как своих ушей...

И вот тут самое время перейти к части, так сказать, общественно-нравственного свойства. Быть может, кто-то в простоте душевной сочтет, что данная коллизия — дело житейское, семейное. Отнюдь, дорогой читатель! Гвоздь проблемы заключается в столкновении двух полярных сил — закона и старого обычая.

Недаром же Абдул-Хамид все время напирал на то, что его жена пытается замахнуться на дедовские устои. Оказывается, именно в соответствии с ними при разводе родителей дети должны оставаться в доме отца. И, как бы круто ни поступал муж с женой, она не смеет противиться любому его произволу. Но медсестра — современная женщина, естественно, не вняла голосу предков. Молодая горянка явилась за советом в сельсовет.

— Помогите! Без детей мне не жить. Это же незаконно.

— Конечно, как сознательные люди, мы на твоей стороне, — ответили ей. — И законы на твоей стороне. Но поймут ли нас земляки, если мы начнем попираť обычаи предков? Знаете что? Во имя аллаха, избавьте нас от ответственности, топайте снова в суд. Там мудрецы, они все знают.

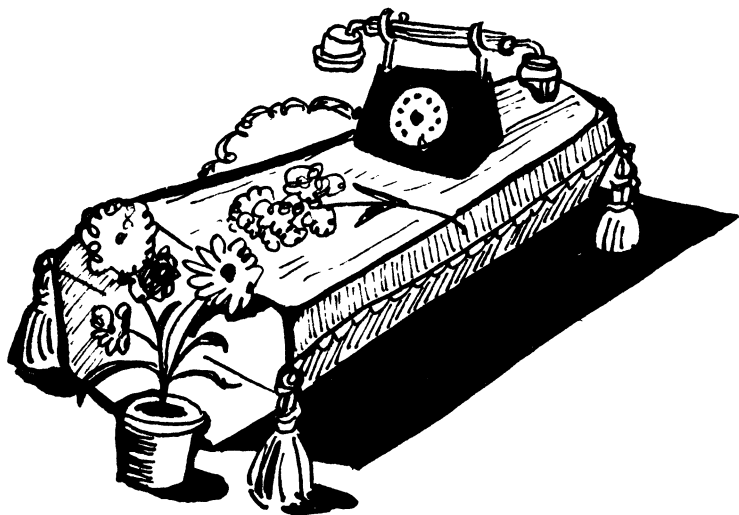
В суде и впрямь знали все. Кроме одного — надо исполнять свои решения, а не хладнокровно дожидаться развития событий; надобно не потакать нарушителям закона, а рьяно бороться с ними. Между тем здесь принялись выяснять, не лучше ли будет детям у хорошо зарабатывающего мастера, чем у простой медсестры. И потом, понимаете, закон законом, а обычаи тоже надо учитывать.

Это было поистине удивительно. Суд — этот поборник справедливости и истины — отступал под напором темного адата. Увы, так еще бывает не только в глухих селениях Кавказа.

Но, слава тому же аллаху, закон действительно есть закон и он берет в конце концов верх.

Несмотря на осадное положение, которое объявил Абдул-Хамид, невзирая на нажим, который он оказывал на местных судей, земляки презрели закоснелые обычаи. Они встали наконец стеной за обиженную мать и добились торжества справедливости. Чему дивиться? Новое неотступно побеждает старое. И нынче на лужайке подле дома Зульфии можно видеть безмятежно играющих детей — старшую Зуру, среднего Саида-Абдуллу и младшего Саида-Магомеда.

Иногда мимо на запыленной машине проезжает старший мастер лесхоза. Глядя на умильную картину, он скрежещет зубами. Но тщетно. Как говорится в пословице тех краев, на крепкий сук всегда найдется острый топор.

События развивались параллельно.

...Поздно ночью в квартире Михаила Исаевича раздался продолжительный телефонный звонок. Прорывалась междугородка.

— Кто на проводе? Слышите меня?

— Слышу. Кто говорит?

Тут вступил смятенный голос, который оповестил:

— Говорят соседи вашего брата. Извините за скорбную весть. Ваш брат скончался.

Надо ли описывать горе Михаила Исаевича? Едва дождавшись утра, он помчался за билетами, чтобы немедленно отправиться вместе с женой в путь.

...Поздно вечером позвонили в общежитие педагогического института и попросили к телефону студентку Инну А. Смятенный голос сообщил, что вчера скончался ее отец. Можно было ожидать, что охваченная горем дочь тут же разрыдается в телефонную трубку. Но рыданий не последовало. Деловым тоном она поинтересовалась:

— А кому-нибудь вы уже об этом говорили?

— Сообщили милиции. Ведь он умер дома, видимо, что-то с сердцем. Последнее время бедняга припадал здоровьем...

— А еще кому?

— Брату папы, то есть вашему дяде.

— Вот это напрасно! Впрочем, бегу. Надо его оставить с носом.

И, позвонив, в свою очередь, маме, проживавшей в соседнем городке, Инна А. наострила лыжи на квартиру отца.

...Когда дядя появился в доме покойного, тело брата уже увезли. Врач «Скорой помощи», тоже вызванный соседями, констатировал смерть от инфаркта. Следователь прокуратуры, затребованный милицией, завершив осмотр квартиры, обнаружил под кипой чистого белья в шкафу сберегательную книжку с солидным вкладом. Страховой полис, сколько-то наличными и облигациями. Не ведая, что у покойного была дочь, следователь передал находку на временное хранение его родственнице, тоже прикатившей из недалекого района. Через два часа после отбытия следователя, исполнившего свой долг, в квартире появилась Инна А. со своей мамой.

Ошарашенный дядя застигнул племянницу и ее мать в квартире покойного. Они буднично калякали о делах. Слегка остолбенев, он спросил:

— Пришли взглянуть на то, что случилось с отцом?

— Нет, — насупилась дочь, — пришли взглянуть, что осталось от отца.

Разговор не клеился. Дядя почувствовал глубокую бестактность своего вопроса.

Тут требуется некоторое разъяснение. Сущность этой истории такова. Двадцать лет назад брат Михаила Исаевича женился. Увы, как это иногда бывает, матримониальное содружество не сложилось с самого старта. Ведь известно: брак — одно «да», за которым следует целая вереница «нет». Словом, семейная жизнь не вытанцовывалась, и молодые вскоре разбежались. Родившаяся через некоторое время дочь жила вместе с матерью в соседнем городке. Таково коварство судьбы...

Разведенный супруг завел размеренный и фундаментальный образ жизни бобыля. Разумеется, он не отрекался от своей дочери, платя все эти годы положенные алименты. Более того, он известил дочь, что мечтает жить вместе с ней. Но, подхлестываемая матерью, она не только отказывалась от переезда в дом отца, но и вообще не казала туда носа. Он долго томился наедине со своими грезами, пока, выражаясь на языке художественных образов, фосфорическая стрелка на часах его жизни не показала двенадцать часов.

...Итак, события развивались параллельно.

Шатаясь от горя, дядя пробрел в учреждение, где его брат служил, чтобы вместе с сослуживцами похлопотать о похоронах. Был заказан

лучший гроб с кистями. Были расписаны скорбными надписями муаровые ленты. Словом, все шло своим натуральным порядком.

Дочь покойного припустилась в институт. Обладая чувствительной душой, она раздавала билеты в театр, которыми ей поручили обеспечить соучеников на время каникул. Мать ее опрометью бросилась в нотариальную контору. Взволнованно переводя дыхание, она пригласила нотариусов для описи оставшегося от покойного имущества. Нотариусы прибыли в тот момент, когда на квартиру привезли гроб с телом усопшего. Комнаты были набиты знакомыми и соседями, пришедшими проститься с покойным, прежде чем его перевезут в тот недалекий городок, где должно было состояться захоронение. Обведя квартиру взором скучным, как алгебра, нотариусы отступили, сообразив, что явились для описи в не совсем подходящий час.

Похороны состоялись на следующий день. Прикатила траурная делегация сослуживцев всеми уважаемого покойного. Явились его бывшие земляки. Рыдали родные. Гроб утопал в венках и цветах. Не было только мало-мальского букетика от Инны А. и ее мамы. Впрочем, участники похорон проглядели все глаза, но тех и следа не было.

Да и до этого ли им? Мир маленьких, но сильных страстей внезапно открылся перед наблюдателями. В то время, когда брат покойного заказывал гроб, машину, венки и прочие погребальные атрибуты, Инна А. и ее мать, недосыгаемые для упреков, сломя голову бежали из районной прокуратуры в нотариальную контору и обратно. В прокуратуре они подчеркивали, что именно Инна как единственная наследница должна заполучить найденные в квартире деньги и документы. Естественно, с ними никто не пытался спорить. В любой момент все будет возвращено ей согласно закону... В конторе они торопили нотариусов совершить опись наследуемого имущества, так как у них возникла гипотеза, будто его желает заграбастать этот гусь — дядя.

Однако дядя, увешанный боевыми наградами, вовсе и не желал завладеть скарбом брата. Нотариусы без труда описали обычную квартирную снасть, проставив с его же помощью примерную стоимость каждой вещи. Но распаленный холодностью и безжалостностью племянницы, он после короткой внутренней борьбы обратился в суд. Нет, конечно же, повторяем, он ни на что не покушался. Но просил только одного — вычесть из наследства хотя бы половину суммы, которую затратил на похороны, заказанный памятник и все такое прочее. С отчаянным лицом дядя пояснил, что он не стал бы предъявлять свой иск, если бы наследница повела себя чуть корректнее. Но коли она только помышляет о материальном аспекте вопроса, то пусть, черт возьми, не артачится, а понесет часть расходов. Так сказать, отдаст последний долг отцу.

Инна А. тоже с этого момента ушла с головой в бурную стихию

юриспруденции. Ее гвоздила мысль, что за время ее отсутствия дядя успел заменить новый полированный шкаф на шифоньер с царапинами, а собрание сочинений Л. Н. Толстого какими-то нелепыми брошюрами на юридические темы... Уже самый тон этого иска — такая императивность стиля, которым предлагалось возместить нанесенный ущерб, заставлял насторожиться. Однако эксперты, посланные на квартиру судьей, нашли, что вся недвижимость недвижима, а что до оценки, то она даже меньше того, что записали на глазок их предшественники-нотариусы.

На состоявшемся вскоре суде Инна А. появилась настолько сияющая и уверенная, что даже судью покорило. Смущенно прокашлявшись, она спросила:

— Перед лицом, так сказать, смерти вы удивляете меня. Неужели у вас не шевельнулась жалость к покойному? Ведь он, судя по показаниям свидетелей, стремился соединиться с вами.

Опершись взглядом на мать, конечно же, присутствовавшую в зале, Инна А. отвечала, любящая собственным бессердечием:

— Я не желала видеть отца при жизни и пришла на квартиру, чтобы убедиться, что он мертв.

— Ну, вы хватили через край... А не было у вас желания принести хотя бы букетик на его могилу?

— Вы рассматриваете дело о букетиках или о наследстве? — запальчиво спросила Инна А. — Это в конце концов мое право — приносить букетик или ставить памятник. Я, например, на такие расходы не пойду.

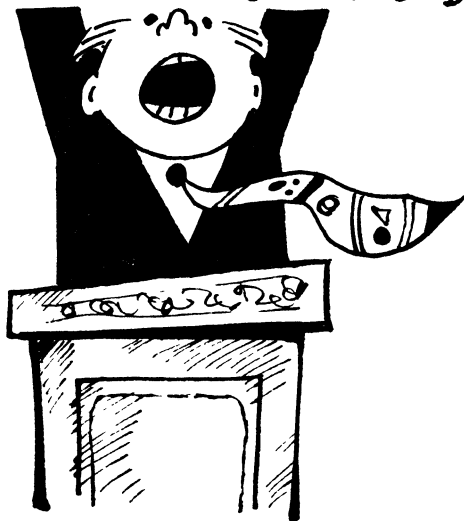
Да-с, легко быть твердым, будучи бесчувственным. Ну да ладно. Может статься, что тут читатель разведет руками. Стоит ли внедряться в судебный процесс? Не стоит. Не станем судить, в свою очередь, правомерен ли иск дяди и справедлива ли была дочь покойного, когда выдвинула свой гипотетический иск. Пройдем мимо этих щепетильных обстоятельств и зафиксируем лишь моральную грань конфликта.

Да, можно понять чувства бывшей супруги, в течение многих лет копившей злобу против своего мужа. В конце концов можно понять и Инну А., не желавшую по научению матери — кстати, педагога, гуманитария — проводить отца даже в дни обострения его недуга, приведшего к роковому исходу. Но вопреки французской пословице понять — вовсе не значит простить.

Недаром судья с одобрения народных заседателей направила особое письмо в ректорат института. После строк, излагавших существо свары, шли следующие веские слова: «...И. А., узнав о смерти отца, решала вопросы, связанные только с принятием наследства... Поведение и высказывания студентки вашего института, установленные судом во время рассмотрения дела, несовместимы с той деятельностью педагога, к которой она себя готовит...»

События развивались параллельно...

КВАДРАТИРА КРУТА

*«Шумим, братцы, шумим!»
А. Грибоедов*

Аборигены Одессы утверждают, что в атмосфере их любимого города давно уже обитает таинственный вирус — возбудитель музыкальных способностей. Разумеется, гипотеза эта еще нуждается в научной проверке. Однако не без тщеславия одесситы вклинивают в любой разговор испытанную музыкальную тему:

— Я вам не скажу за всю Одессу... Но именно в нашем квартале были возлелеяны и Леонид Утесов, и Давид Ойстрах, и Лев Оборин... Ну как, с вас довольно?

Казалось, для Одессы не существует музыкальных сенсаций. И все же здесь произошло событие, которое взволновало преданных поклонников симфонетт и романсов.

К художественному руководителю филармонии явился скрипач Михаил Г. и сделал ошеломляющее заявление: роясь в архивах, он нашел оркестровые партии симфонии доселе неизвестного композитора Овсяннико-Куликовского.

— Фортиссимо! — вскричал восхищенный худрук. — Да вы почти гений!

— Не буду сопротивляться, — покорно молвил скрипач. — Вот взгляните — титульный лист: «На открытие Одесского театра. 1809 год. Симфония № 21. Соч. Н. Куликовского». Разрешите присесть за рояль?

— Ради Баха!

И под сводами филармонии прозвучала симфония, развивающая музыкальные образы украинского фольклора и обработанная рукой подлинно большого мастера.

— Кто же он такой, Овсянико-Куликовский? — заволновался худрук, бросая на партитуру охотничьи взгляды.

Михаил Г. неторопливо расшнуровал черную дерматиновую папку с надписью «Мюзик» и добыл из ее недр кипу листов тетрадного происхождения. Однако хранили они любопытнейшие сведения исторического характера. Получалось, что Овсянико-Куликовский был довольно заметной звездой на музыкальном горизонте начала прошлого века. Украинский магнат, имевший свой оркестр, он будто бы самолично писал симфонические произведения.

— Завтра двинем рать! — воскликнул худрук, выхватывая у своего подопечного папку «Мюзик». — Нас ждут вышестоящие!

На следующий день, даже не простившись с первооткрывателем симфонии, директор филармонии умчался.

Стоит ли удивляться, если через некоторое время найденная симфония исполнялась лучшими оркестрами? Это произведение восхитило даже наиболее тонких знатоков симфонической музыки. И самые маститые музыковеды проявили к творчеству Овсянико-Куликовского здоровый интерес.

Одним из тех, кто решил произвести глубокое расследование в этой области был музыколюб в ранге доктора музыковедения. Он ринулся в Одессу, чтобы на месте происхождения отыскать все данные, касающиеся вновь открытого композитора.

Естественно, что первый научно-исследовательский визит он нанес Михаилу Г. Разговор протекал в энергичном темпе, известном в музыке под термином «престо».

— Так вы утверждаете, — начал музыковед, — что композитор родился в 1787 году? Значит, свой шедевр он написал, не достигнув и двадцати двух лет?

— Если вы очень хотите, то он создал симфонию в более зрелом возрасте. Ну, скажем, к сорока годам.

— Тогда наш подысследуемый появился на свет в 1768 году. Так и запишем!

Скрупулезное изучение материала продолжалось.

— Вы упоминали, что найдена и партитура какой-то оперы того же Овсянико-Куликовского?

— Возможно. Там подписи нет, но я думаю...

— Ах, думаете? Так и зафиксируем. А нельзя ли посмотреть собственными глазами оригинал партитуры?

— Если каждый начнет страницы мусолить, от шедевра один скрипичный ключ останется. Нет уж, любуйтесь на фотокопию.

— Гм... Что-то надпись странная... Не вечной ли ручкой пользовался автор?

— Типичное гусиное перо! А писал он, это уж верно, для вечности.

— Так и опубликуем. А когда Овсянико-Куликовского?

— Точно не екажу, но, кажется...

— Ага, точных данных нет? Значит, сведения о нем зажимали реакционеры...

Через месяц в газете за подписью маститого музыковеда появилась пространная статья о творчестве и личности Овсянико-Куликовского. Авторитетно-приоритетно музыковед сообщал:

«По имеющимся сведениям, Николай Дмитриевич Овсянико-Куликовский родился в 1768 году в селе Бехтеры под Николаевом... Он был очень одаренным и просвещенным человеком... Сведения о деятельности композитора-патриота, начиная с двадцатых годов, исчезают, даже в день его смерти ни одна из газет феодально-помещичьей России ни словом не обмолвилась о выдающемся сыне своего отечества...»

Местные гиганты музыкальной мысли засуетились. Этакое событие — и протекает без их обогатительного участия. Стремясь не отстать от коллеги, другой музыковед в газете торжественно объявляет, что Н. Д. Овсянико-Куликовский, очевидно, является и автором оперы, рукописная партитура которой оберегается в одной из одесских библиотек.

Музыкальная общественность была восхищена. Наконец-то найден композитор, которому можно было приписать все найденные безымянные сочинения. Попутно в биографию доселе неведомого симфониста вписывались увлекательные интимные подробности. Вскоре усилиями серьезных и многоопытных музыковедов фигура композитора предстала во весь свой могучий рост. Маститый музыковед решил, что у него достаточно данных, чтобы приступить к капитальному труду о творчестве Овсянико-Куликовского. И вскоре в издательство поступили первые главы будущей монографии. А менее маститый приступил к подготовке диссертации. О первооткрывателе симфонии в этой изыскательской сутолоке как-то позабыли...

Но, как показал дальнейший ход событий, первооткрыватель тоже не дремал.

Может, он безумно обиделся на музыковедов, обошедших его участие в этой музыкальной истории. Может, решил, что истосковавшиеся по сенсациям исследователи уцепятся за любую сокрушительную версию. Словом, Михаил Г. сделал новое ошеломляющее

признание. Классическую симфонию написал вовсе не неведомый композитор начала XIX века, а он, всем ведомый скрипач Одесской филармонии... А Овсяннико-Куликовский — это просто миф, легенда, так сказать, музыкальный поручик Киже... Нет, нет! Как личность Овсяннико-Куликовский существовал и даже владел крепостным оркестром, который действительно что-то такое исполнял в день открытия Одесского театра. Но никаким композитором он не был... Это все выдумал он, Михаил Г. В порядке шутки, такого каприччио...

Это прозвучало, как удар грома, исполненный на самых больших литаврах. Вот это опус! Ведь за последнее время вся общественность не только уверовала в подлинность Овсяннико-Куликовского, но и досыта начиталась биографических и теоретических статей о нем.

И тут разгорелись жаркие творческие препирательства.

— Злодей он, ваш Михаил Г., — разглагольствовали одни. — К чужой славе хочет примазаться. Типичный тип!

— А, может, гений? — с сомнением говорили другие. — Может, взял да и создал. Заперся, знаете, в кабинете, перестал ходить на совещания — и отобразил.

— Нет, злодей!

— Нет, гений, гений!..

И вдруг в нестройный ансамбль спорящих ворвалась одна трезвая нота:

— А что, ежели всерьез и глубоко разобраться и расследовать?

Наконец-то! Наконец-то были произнесены долгожданные слова. Разобраться. Всерьез. Глубоко.

Была наспех образована комиссия. Ей поручили в короткий срок разгадать тайну. В порядке разгадывания этой самой тайны один из членов комиссии зачем-то уехал на курорт, а другой углубился в собственные сочинения... К счастью, два музыкальных эксперта взяли на себя титанический труд выяснить, кто же наконец является создателем этой симфонии. Анализируя копию партитуры, исследуя все имеющиеся в архивах документы, разными тропами пришли они к одному неопровержимому убеждению: симфония написана высокоталантливым композитором середины прошлого столетия, имя которого, к сожалению, пока не установлено. Заслуга же Михаила Г. сводится к блистательному умению сделать на партиях наклейки и написать в стиле XIX века обложку партитуры. Довольно четко определилось, что Михаил Г. явно не гений, а злодей-мистификатор, поступок которого достоин самого сурового морального осуждения...

Казалось бы, все стало ясно и просто, как фортепианная гамма. Однако конца у этой интригующей музыкальной истории еще нет. Она обрывается, так сказать, на самом высоком регистре.

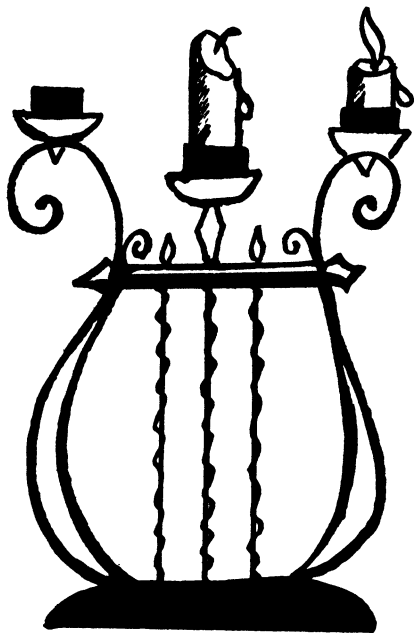
Бедная жертва фальсификации — маститый музыковед, видимо, построил себе столь прекрасные воздушные замки, что с него хватает их развалин... Он посылает в издательство вербальные ноты, сердито

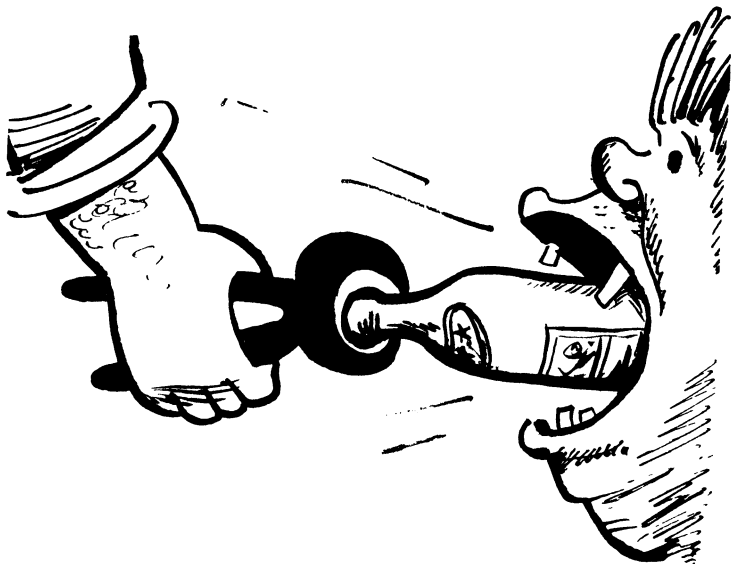
требуя обязательно опубликовать его высокоэрудированный труд.

— Но ведь Овсяннико-Куликовский не существует как композитор,— упираются в издательстве.

— Он не существует,— я существую!

Но стоит ли делать из заблуждения общественное явление? Пусть некоторое время симфония будет числиться под заманчивой рубрикой «Произведение неизвестного автора». Истина иногда стоит того, чтобы ее искали несколько лет. Пусть ее и поищут квалифицированные исследователи — я интересовался именно этим,— почему-то до сих пор стыдливо стоящие на отлете: «Неловко как-то. Вон монографию создают, а мы — сомневаться». Пусть поищут... Только не было бы в таком деле, как научный поиск, карьеристской торопливости и младенческого легковерия. Касается ли это науки, техники или области, подведомственной пленительным музам. Чтобы не было того, о чем сказано небезызвестным классиком в нашем эпиграфе.

Некоторое время назад в одну из поликлиник вбежал человек, физиономия которого отображала крайнюю грусть и разочарование в жизни.

— Где тут рвут жубы? — спросил он сдавленным голосом.

И хотя надвигался тот сумеречный час, когда врачи укладывали в матовые шкафчики пинцеты и ланцеты, этот пациент пробуждал сочувствие. И регистраторша, презрев расписание, пояснила бедолаге, как пройти к дантисту. И вот он вторгается в кабинет, смятенно косясь на адскую бормашину.

— Скажите «а»! — скомандовал врач. — Голубчик, так у вас типичный парадонтоз!

— Не может быть! — всполошился пациент. — А что это такое?

— Э! Что тут дискутировать? Придется на удаление потратить лишний час. А каждый час у меня тарифицирован. Так что за экстракцию резца номер шесть с вас причитается «Букет Абхазии», а уж коренной тянет на коньяк «Греми»...

— Ва! Что тут дискутировать? И «Букет» будет, и коньяк «Греми» будет. Только пусть жуб не будет...

Надо отдать должное доктору: и резец номер шесть и коренной зуб были извлечены с профессиональной сноровкой. Заодно у пациента были извлечены условленные подарки. Так что обе стороны разошлись по домам, весьма довольные друг другом.

Но так случилось, что эта зубодробительная операция стала предметом анализа на врачебной конференции. Мнения раскололись. Одни говорили, что вымогательство подарков за исполнение прямых обязанностей противно и безнравственно. И если сегодня, прежде чем удалить зуб, врач набивается на благодарность в образе коньяка «Греми», то завтра он начнет калькулировать каждый резец на денежные купюры.

Другие твердили, что все это мелочь, пустяк, заурядность. Дескать, так принято. Если человек сделал человеку доброе дело, неужто он не имеет права на признательность?

Тут надобно сознаться, что мы испытали некоторое смущение. Мы вспомнили, что сами не раз совали закройщику в полотняный фартук примерно такую же бутылку коньяка, угощали шоколадкой театральную кассиршу за билет в середине четвертого ряда партера, подносили пачку ароматизированной жевательной резинки секретарше телефонного начальника за внимание и любезность... Так принято. Гм, но почему же мы благодарили этих людей как бы из-под полы, отводя глаза, забаррикадированные толстыми стеклами?

Но оставим психологический момент и обратимся, как говорится, к холодным фактам. Собрание в поликлинике едва не закончилось тем, что дантиста с укором похлопали по плечу и взяли слово в следующий раз быть осмотрительнее. Но тут вьедливые инспектора нашли, что подобные взаимоотношения между врачами и пациентами, говоря медицинским языком, опасны для здоровья общества, что подарок и взятка находятся в подозрительном родстве, и вывели шельмудантиста за парадную дверь.

Спустя некоторое время после этого происшествия мы предъявили инспекторам письмо А., в котором говорилось, что ее собрат по несчастью отделался сравнительно счастливо, так сказать, легким испугом. Конечно, писала А., самое дорогое у нас человек. Но некоторые медики, исходя из этого тезиса, действительно считают, что каждый орган человека должен быть оценен по соответствующей таксе. К примеру, она установила, что в одной клинике ее желудок, точнее операция на желудке, стоит сто рублей, консультация у профессора-кардиолога тянет на пятьдесят рублей, а сосуды, в которые была влита свежая кровь, оцениваются в сорок рублей...

Инспектора нам обещали сделать все возможное, чтобы отыскать, как здесь выразились, злостных носителей негативных явлений. И заодно поведали о том, как врач-лаборант курса нейрохирургии,

и ранее уличавшийся в любви к жертвоприношениям, нарастил свой аппетит до сверхтарифных масштабов.

В один из прекрасных дней к нему на кафедру явился некий ухарь-автомобилист. Горестно переводя дыхание, он сообщил, что после столкновения со встречным экипажем его противник получил тяжкое телесное повреждение, за что ему грозит максимальное наказание.

— Так чего же вы хотите от медицинской науки? — спросил ученый муж.

— Практического содействия... Нельзя ли сделать так, чтобы его повреждение стало нетяжким, а мое наказание минимальным? Понимаете, у меня самого болит коленная чашечка и ноет под ложечкой. Словом, весь сервиз не в порядке...

— Сервиз? — встрепнулся лаборант. — Нежно-розовый, с цветочками? Это подходит. А Шота Руставели вы знаете?

— Каждый светофор наизусть.

— Э! Да не проспект, а поэта... Так вот, наш замечательный поэт замечательно сказал: «Друг для друга да послужит, не щадя себя ни в чем...» — и напористо разъяснил, что при известных обстоятельствах можно раздобыть историю болезни пострадавшего и внести туда диагноз, который поставит в тупик любого эксперта.

— Ва! Да вы малый не промах! — восторженно вскричал лихой автомобилист и, не тратя времени, извлек из портмоне известные обстоятельства размером в тысячу рублей.

Говоря опять же языком медицины, дурные примеры заразительны. Разговор о возрастающих масштабах поборов заставил нас вспомнить об эпоее, которая разыгралась в другом географическом пункте. И мы не могли не поразиться экономическим показателям, которые характеризовали заведующую неврологическим отделением одной из периферийных больниц. Дебютировала она, заметьте, тоже по линии натурального хозяйства. Не испытывая даже прилива неловкости, она брала тушку гуся за консультацию, банку рыжиков за попутный взгляд на больного во время обхода, пучок ранней редиски за дополнительную облатку.

С течением времени корыстолюбца превратила свою должность в источник вызывающих доходов. Ею владела только одна страсть — к стяжательству. Надо, скажем, уложить больного в теплый угол палаты — ну что ж, кого-то досрочно выпишем, только за это полагается пятьдесят рублей... Впрочем, иногда она оказывала благодеяние не с маху, а как бы столкнувшись с немалыми хозтрудностями, с отяжкой, чтобы проситель созрел и не трепыхался. Требуется кому-то дефицитное лекарство — с вас, милейший, сто рублей (хотя по номиналу флакончик стоит восемьдесят две копейки...). В разговоре она оперировала различными научными словами, бессовестно внушая собеседнику, что организм его требует усиленного лечения, за которое, дражайший, надо внести особую плату.

И больные и их удрученные сородичи, надеясь на благоприятные перспективы, несли и несли врачу деньги.

— Вы меня оставили в одном платье,— в замешательстве сказала одна пациентка, когда зав. отделением попыталась вырвать очередную подачку.

— Каждому свое,— любясь собственным остроумием парировала докторша.— На что вы жалуетесь? Ведь я вас ни разу не подвела.

Что и говорить, она была аккуратным человеком. Человеком ли? Этот вопрос нельзя считать излишне резким. Ибо врача, торговавшего оптом и в розницу своим званием и своими возможностями, иначе как протобестией и не назовешь.

Каждому свое... По-видимому, невропатолог имела в виду свой личный двухэтажный особнячок с импортным гарнитуром «Жанна», в ящиках которого — когда наступила закономерная развязка — следственными органами было найдено четырнадцать тысяч рублей наличными и одиннадцать сберкнижек с вкладами на двадцать четыре тысячи рублей...

Однако довольно. Финита, как говорится, ля трагедия. Мы начертали здесь случаи, конечно, исключительные, редкие, одиозные. Нашей действительности глубоко чужд дух спекуляции на несчастье ближних. Армия наших медиков состоит из порядочных и заслуживающих доверия специалистов-человеколюбив. Но тем нетерпимее, когда бок о бок с ними работают прощелыги, ничего общего не имеющие с самой гуманной профессией и даже конфликтующие с некоторыми статьями уголовного кодекса.

Мы вовсе не хотим отбивать хлеб у юристов. Им виднее, как квалифицировать означенные деяния и какие санкции применять. Но хочется, чтобы даже мелкого мздоимца, требующего за удаление зуба упомянутый «Греми», окружали публичным позором. Чтобы процессы над взяточниками и врачами проводились не при малом скоплении интересантов, а в конференц-залах, при свете юпитеров, с пространном анонсом по телевидению.

Чтобы, как говорил еще один классик, лечение не было хуже болезни.

В людской тесноте на бульваре не сразу заметишь этого благообразного крепыша с бородой Черномора. Мало ли старичков-пенсионеров судачат в погожий час, чинно восседая на скамьях с чугунными львиными ножками. Выворачивая друг перед другом мозолистые ладони, они авторитетно, ссылаясь на свой вековой опыт, доказывают преимущество крупноблочной кладки перед кирпичной.

У киоска, размахивая, точно выпелами, обрывками газет, ревнители футбольных состязаний темпераментно выясняют, сколько шансов у городской сборной на призовое место в межзональном турнире. Придерживая под мышкой учебники, вплетаются в споры юноши студенческого возраста. И в теплом весеннем воздухе звучат имена шахматных фаворитов, названия театральных премьер и прозвища любимых университетских профессоров.

Таков темперамент южного города.

И вдруг в этот нестройный, но жизнерадостный хор врывается тягуче-плаксивая нота:

— Подайте, граждане, ради Христа и в честь трудовых достижений!

Черномор, опустив очи долу, протягивает руку за подаянием.

Среди старичков пенсионеров намечается оживление.

— Почтение брату Андронику! Опять побираешься?

Брови Черномора скорбно опущены. Румяные щечки бледнеют.

— Духом ослаб я, братие. Немошна плоть моя. Подайте сколько можно.

— Дать-то можно. А стоит ли?

— Стоит, стоит,— уверенно подсказывает Черномор и, опустив в бездонный карман своего пальто поданные монеты, хромот на обе ноги дальше, в гущу прогуливающих.

Тот, кто взялся бы проследить в этот день за этим немощным духом попрошайкой, наверняка бы пожалел о своих деньгах. Обойдя центральные улицы города, он задержался на часок у входных ворот кафедрального собора, а затем прогулялся к одному из окраинных кафе. И вдруг Черномор волшебным образом преобразился. Куда девался согбенный стан, куда запропастился опечаленный вид?.. Сладостно причмокивая, он садится за столик и поглощает гигантские порции деликатесов.

Но как бы неловко почувствовали себя добросердечные сограждане, если бы знали доподлинно, кто этот нищий и что подвигнуло его на столь унижительное занятие.

Случай, только случай помог нам ознакомиться совсем недавно с дневником известного многим горожанам Черномора. Как и всякий дневник — сиречь душевное «самовыражение» автора,— он хранит в себе беспристрастные свидетельства его помыслов и деяний. Мы полагаем, что публикация отрывков из дневника Черномора будет полезнее не столько для знатоков мемуарной литературы, сколько для тех, кто по ложной стыдливости или излишней доброте поддерживает брэнное существование тунеядцев и лодырей.

«Октябрь... Не покидает мысль о своем домике, где-нибудь под Киевом или в Умани... Истинно говорят: «На бога надейся, а сам не плошай». Возле Георгиевской церкви заработал на поминальных 68 рублей. Купил сметаны и 800 граммов ванильных сухарей. Пристрастился аз грешный к деликатесам... Решил ходить в кино только по одному разу в день, деньги нужно экономить... За месяц приход 780 рублей. Деньги отложил на исполнение мечты.

Декабрь... Сейчас покупаю только мясо, молоко и сахар. Хочется побаловаться балычком и красной икоркой, достану в ресторане... На день тезоименитства архиепископа Паладия собрал 97 рублей. Вечером пошел в «Детское кафе». Место хлебное, публика почтенная. Правда, какой-то хам сказал мне: «Стыдно с такой физиономией побираться». Нужно немного похудеть и одевать старое пальто... Пора позаботиться о пенсии. Нужно будет купить справки. Это даст спокойных 350 рублей в месяц. О том, что я сын псаломщика и окончил Киевскую духовную семинарию, нужно молчать. Сейчас это не в почете.... За месяц приход 860 рублей.

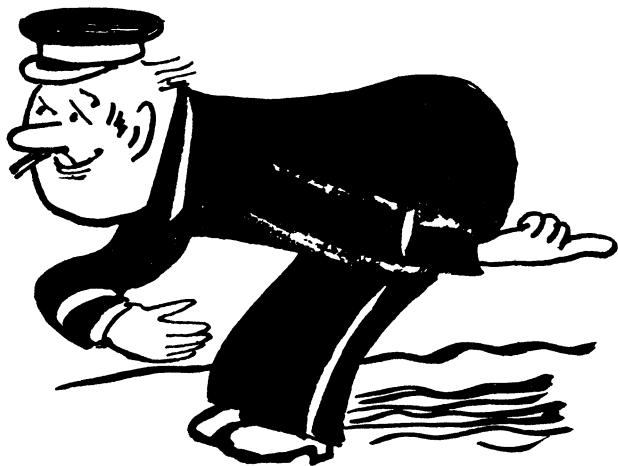
Апрель... Потеплело, и люди подобрели. За два дня собрал 107 рублей... Больше всего люблю это время. В парках сидят парочки. Я подойду — ну как же не дать? Милая рядом, да и соседей зазорно... Купил часы «Москва» с золотым браслетом, отдал 435 рублей, зато теперь хожу солидно... За месяц приход 1057 рублей.

Октябрь... До отъезда надо сняться с учета в пятом отделении милиции; забрать долг у Александры Петровны 300 рублей, у Фокиных — 300 рублей, у Валентины Николаевны — 250 рублей... Забрать деньги в сберкассе 15 тысяч, достану из тайников: в книгах 3585 и 3745 руб., за иконой 3835 руб., и в сумочке — 3900 и 3950 руб.

...Вот слышу я, люди говорят о работе. А что толку в ней? Главное — уметь устроиться, уметь по запаху деньги найти. Вот я не работаю и не хочу. Здоровье у меня хорошее... Сегодня я настроен торжественно и решил исповедаться самому себе...»

Хватит! Кажется, теперь всем ясно, что это за птичка небесная. Сквозь мирское благочестие проглядывает циничная философия убежденного дармоеда и паразита. Как претит она трудовым людям! Вот уж поистине урок тем, кто безраздумно готов отдать честно заработанные деньги вагонным певцам, мордатым нищим, елейным богомолкам у паперти.

Чтобы завершить наш рассказ об одном из нищих, скажем, что его однажды задержали работники милиции. В целях проверки, так сказать. В кармане Черномора были обнаружены 8339 рублей и сберегательная книжка на 15 тысяч рублей. Задержали и... отпустили с миром. А что делать? Ведь, хотя давно уже принят справедливый и гуманный закон о борьбе с воинствующими тунеядцами, но до сих пор и Черномор и ему подобные, цинично посмеиваясь над простодушием людей, выманивают на бульварах монеты у честных тружеников и пенсионеров с мозолистыми ладонями.

Бытие командированного люда описано в уйме фельетонов. Я вовсе не хотел внести свой вклад в эту тему. Но так случилось, что разговор о вежливости приходится начинать именно со случая, который произошел с одним моим приятелем, прикатившим в один город на совещание по пушнине.

Дальнейшее тоже хорошо известно. Часов пять он упрашивал администратора гостиницы предоставить ему маленький, крохотный, ну вот такой малюсенький номерок. Конечно, совал под нос разные полномочные бумажки, говорил жалкие слова. Наконец администратор, высокомерно буркнув: «Пересидели все-таки!», выкинула ненужную анкету и перебросила моего приятеля на руки дежурной по этажу. Та, в свою очередь, измерив его недовольным взглядом, вручила ключи, если не от счастья, то хоть от отдельного номера. Поздно вечером, поужинав под ворчливый аккомпанемент буфетчицы, не успевшей повесить на двери табличку «Закрыто на переучет», наш командированный отправился отдыхать.

Словом, гостиница была как гостиница: удобства в меру, плата в меру, грубости в меру... Впрочем, насчет грубости я поторопился. Тут-то и начинается самое существенное.

Едва мой приятель задремал после нелегкого дня тревог и волнений, как раздался стук в дверь. На пороге стоит дежурная. Не дав постояльцу раскрыть рта, она делает ему жесточайший выговор за то, что он, дескать, вовремя не заплатил за номер.

— Нам финансовый план надо выполнять, а вы манкируете! Мы на хозрасчете, а вы игнорируете!

С трудом ему удалось вставить слово. Оказывается, дежурная перепутала номер и свежего приезжего приняла за злостного неплательщика. Позабыв извиниться, она испарилась. Командированный забылся в тяжком сне.

И вдруг снова стук в дверь. В номер вваливается администратор, просит извинить дежурную.

— Знаете, нервы у них расшатаны в борьбе за качество обслуживания... А с полночи как раз начинается неделя вежливости...

В полночь раздался телефонный звонок. Говорил директор гостиницы.

— Только что мне доложили... Начали неделю вежливости, а тут такой казус... Кадры нынче того... Так что вы жалобу не пишите. Вы лучше насчет благодарности поразмыслите...

Мой приятель заскрежетал зубами. Сон уже не шел. И он тут же дал страшную клятву не платить за номер минимум неделю. Лучше уж одна грубость, чем десять показательных извинений!..

Почти анекдотическая история, не правда ли? А между тем она произошла на самом деле и не очень давно. Гостиничные ревнители вежливости были далеки от подлинной учтивости, обходительности и внимательности. Если бы не началась неделя вежливости, задуманная досужим профдеятелем, то здесь все оставалось бы по-прежнему. Но вот прозвучал сигнал, вот зазвенел звонок, вот затрубили фанфары: «Все на неделю вежливости!» И с усердием, достойным постоянного применения, вся гостиничная обслуга стала по утрам говорить «Здрасьте!», а по вечерам в опустевших коридорах напевать «баюшки-баю!...»

Меня всегдастораживают такие недели. Что-то в них видится ненатуральное, какие-то они неестественные. Да и знаю я наперед, чем все кончится. Затрубит снова фанфара. Коллектив, который в процессе недели не успел нанести оскорбление гостю, получит премию. Директор произнесет прочувствованные слова насчет того, что к следующей неделе вежливости, которая состоится через два года, хорошо бы пошить фартучки с ангельскими крылышками... И опять гостиница станет как гостиница: плата в меру, удобства в меру, грубость в меру.

Вежливые слова придуманы не зря. Они придуманы исключительно

но для облегчения взаимоотношений между людьми. Они очень просты и доступны. Они не требуют ни моральных затрат, ни капитальных вложений. И если подсчитать, сколько энергии затрачивают иные граждане, чтобы вести себя или говорить невежливо, поневоле разведешь руками и подумаешь: «Братцы! Зачем они так утруждают себя?! Ведь гораздо легче не орать на ближнего, чем орать. Ведь куда приятнее пропустить его вперед, получив за это благодарственное слово, чем оттискивать его плечом...»

Вежливые слова принято называть волшебными. И, правда, в них таится какая-то магическая сила: перед вежливым словом распахиваются двери и раскрываются уши, перед учтивым словом склоняются люди и даже, говорят, расцветают цветы. Как приятно услышать вежливое слово на приеме в учреждении и от продавца магазина, от строителя, сдавшего ваш дом с оценкой «отлично», и от воспитательницы детского сада, где проводит будни ваш сын...

А вежливый поступок? Разве не вызовет он сердечную благодарность женщины, которую вы пропустили в автобус впереди себя? Пожилого пенсионера, которому вы подали оброненный им платок, или мальчугана, которого вы посадили на колени, чтобы он получше разглядел хоккейный матч?

Конечно, вежливый поступок должен быть разумным. Заботясь об одном человеке, нельзя доставлять неудобство другим окружающим. В этой связи я вспоминаю эпизод, который произошел с одним школьником. Видать, это случилось с ним после того, как, не выдержав упреков в невежливости, он решил сразу же, мгновенно перестроиться. Дело было на улице. Школьник завидел старушку, собирающуюся переходить улицу с противоположного тротуара. С возгласом «Марь-Иванна велела переводить старушек!» наш отрок ринулся на помощь.

Бац! — плечом он задел лоток продавщицы фруктов.

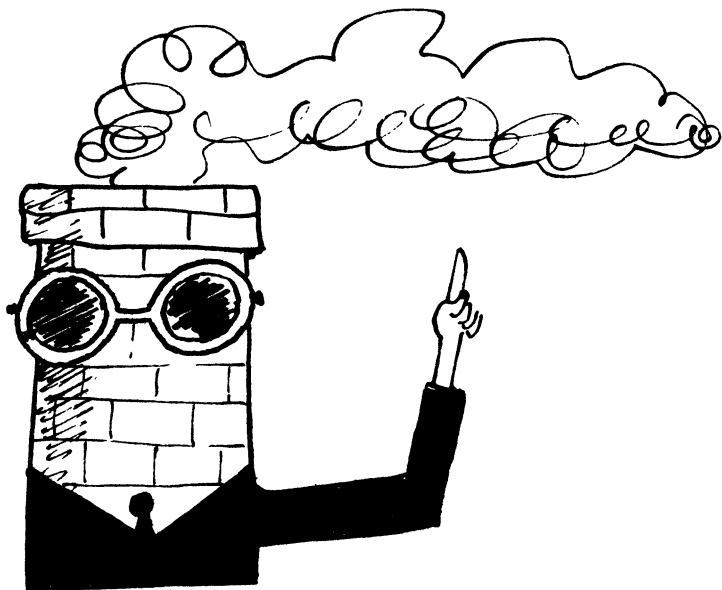
Бах! — рукой он оттолкнул мешавшего ему прохожего.

Трах! — на тротуар полетела палка старика.

Ух! — Водитель троллейбуса с трудом затормозил перед самым носом героя.

И все это было совершено ради того, чтобы помочь одной старушке. Паренек стремился выполнить задание учительницы. Он старался быть вежливым, точно еще не зная, как надо быть вежливым.

Так давайте разясним ему, а заодно и учительнице, которая его обучает, что вежливость — это не эпизод, не случайность в нашей жизни, а постоянная норма поведения. Давайте относиться к ближнему точно так, как вы хотели бы, чтобы он относился к вам.

Нынешняя тенденция к подготовке специалистов узкого профиля как-то мало затронула этих — как бы это выразиться по-научному — адептов универсализма. Между тем с ними сталкиваешься в самых различных сферах нашей быстротекущей жизни. И хотя некоторые утверждают, что для овладения этим многопрофильным, если хотите, искусством достаточно обладать эрудицией в объеме краткого энциклопедического словаря, долей увертливости и толикой обаяния, нам сдается, что здесь имеет место некоторое упрощение. Миссия, которую возложил на себя этот адепт, не так легка, как кажется на первый недоумевающий взгляд.

Вот, скажем, некий заводской умелец и энтузиаст явился с визитом вежливости к инженеру местного бриза. В руках у энтузиаста был свиток ватмана, на котором начертаны контуры нового приспособления для токарного суппорта, дающего, с его точки зрения, немалый экономический эффект. Правда, признался наш умелец, чертеж был исполнен без конструкторского блеска и должного оформления пояснительных легенд нормальным шрифтом.

Как поступил бы иной бесшабашный инженер бриза? Тут же, не сходя с места, стал бы колдовать над чертежом, может быть, даже переписал его с конструкторским блеском и произвел какие-то расчеты. Но сотрудник местного бюро не был простофилей. Прикрывая плотной фигурой шкаф, набитый нерассмотренными свитками ватмана, папируса и пергамента, он начал с визитером наставительную беседу.

— Все это пустяк, детский лепет, мышинный масштаб... А пора, понимаете ли, поразмыслить над чем-то, так сказать, соответствующим размаху технической революции, которую мы все переживаем!

— Но здесь вроде бы намечается экономия порядка тысячи рублей, — конфузливо вставил энтузиаст.

— Пфе, — надменно фыркнул инженер. — Что такое какая-то тысяча в сравнении с грандиозными планами, стоящими перед нашим заводом? Иди-ка, братец, да поразмысли на досуге над своим капитальным вкладом в дело общего подъема!..

И сердяга ушел, отчасти смущенный, удрученный и даже смятый таким приемом. Однако поразмыслив на досуге, он пришел к убеждению, что столкнулся с человеком, который говорит вроде бы правильные и высокие слова, но, по существу, палец о палец не желает стукнуть, чтобы помочь кому-то сделать пусть скромный вклад в общее хозяйство.

Отчего так происходит? Как уже сказано, здесь не отыщешь стереотипа. Одни отказывают умельцу в помощи, дабы из природной лени не утруждать себя лишними заботами. Другие — чтобы перегрузить ответственность за собственное разгильдяйство на сторонние плечи. Третьи — ища прикрытие своему неумению вовремя и с толком исполнять прямые обязанности.

В этом контексте мне вспоминается история со столовой, упорно выбиравшейся из прорыва. Расход жалобных книг здесь давно превысил запланированный лимит. Кому-то не нравились вилки, покрытые веснушками ржавчины. Кто-то выражал свое возмущение качеством блюд в стихотворной форме:

О муза! Ничего сквернее нет,
Чем в сей столовой винегрет!

Директор столовой, заламывая пальцы, пожаловался приятелю из кооперативной сети:

— Замаялся. Что бы мне такое удумать?

Приятель, у которого всегда в карманах была дюжина советов, обещал помочь:

— Есть на примете неотразимый кадр. Культуртрегер!

Однако новый помощник директора не стал объявлять месячник борьбы за культурное обслуживание. Не позаботился он и о том, чтобы на столах появились стаканчики из-под мороженого, набитые бумажными салфетками, фаянсовые перечницы «ванька-встанька»

и вымпелы с текстом «За качество, за количество!». И все же он поклялся, что отныне ни одна рука не поднимется на жалобную книгу. А если поднимется?

— Таких я беру на себя! Буду работать с людьми.

И в этом плане помощник директора проявил себя с блеском. Вот, скажем, однажды некий посетитель, взвинченный паузой между первым и вторым блюдами, взорвался:

— Жалобную! Битый час жду биточки...

Помощник директора тут же подкатился к нему со сладкой улыбкой.

— Ну, зачем эти эмоции? Лучше проявляйте их, обозревая наши натюрморты. Эвон сколько их повешено — сплошная Третьяковка! Нет, зря вы недооцениваете роль искусства в отлаживании системы пищеварения. А между тем еще профессор Покровский утверждал, что...

Завороженный познавательной лекцией, посетитель как будто успокоился и остальные полчаса до подачи заказанного блюда сидел тихим воробышком.

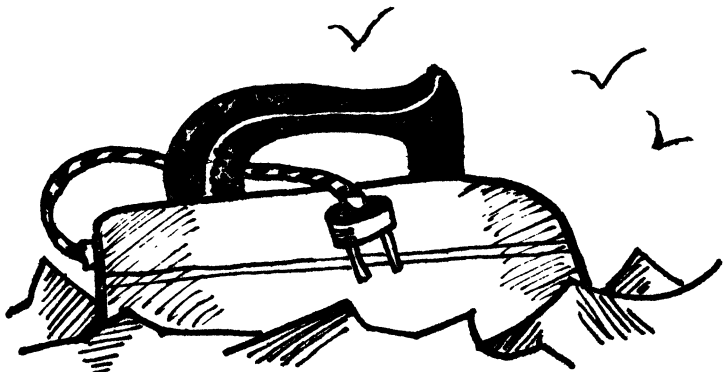
В следующий раз, когда возник конфликт на почве недожаренной картошки, помощник директора проникновенно говорил о необходимости экономии масел, включая подсолнечное, и вкладе каждого отдельного посетителя в решение этой глобальной проблемы...

Словом, наш златоуст понимал работу с людьми не как воспитание своих коллег в духе повышения культуры обслуживания, а как сверхзадачу — не допустить обиженных к заветной книге жалоб. И прибегал он при этом к таким демагогическим вывертам и зигзагам, что способен был заткнуть за пояс иного зарубежного дипломата.

Наконец, так и просится на перо исповедь одного пенсионера по поводу затянувшегося рассмотрения его дела в одном из райсобесов. Три битых часа ему объясняли, почему не смогли отыскать пяти деловых минут, чтобы решить назревший вопрос. Тут фигурировал рассказ о том, что кто-то ушел во внеочередной отпуск, и новелла о трудностях канцелярского искусства, и жуткая притча о мультипликационном зайце, которого хватил инфаркт после того, как его истомил претензиями некий дотошный волк-посетитель...

И вся эта ласковая словесность была мобилизована лишь для того, чтобы как-то оправдать изъяны в своей работе, отвадить просителя, забить, как говорили в старину, баки...

— А ведь все это чистая дымагогия! — так несколько грубовато по форме, но точно по сути охарактеризовал он адептов широкопрофильного искусства уверток и уклонений. — Напустят дыму, навеют туману, запудрят мозги... А дела все нет и нет!

Обычная житейская новелла. У меня испортился электроутюг. Служил безотказно лет десять, нагревался по первому указанию почти до температуры каления... И вот, пожалуйста, сколько я ни бился — извлечь из него благодатный тропический жар так и не удавалось. В пору хоть в мастерскую нести.

Но тут сердобольные соседи присоветовали:

— Продержат там неделю сверх плана, а у вас белье простаивает. Может, обойдетесь внутренними резервами?.. Есть у нас во дворе универсальная личность. В жэке монтером подвизается. Договоритесь полюбовно — он из вашего утюга электронагревательный агрегат изготовит.

Явился ко мне по аварийному вызову универсальный Петр Петрович. Обошел со всех сторон, сказал сочувственно:

— Механизм модели РЦ-5Р. Не утюг, а, извиняюсь, ледакол в просторах Арктики... Очень обременительный прибор, а меня еще в семи квартирах дожидаются. Надо ведь помогать человечеству...

— Надо, — согласился я. — Вот и начните. А что это значит: РЦ-5Р?..

Универсальный Петр Петрович скроил задумчивую мину:

— Ремонтная цена 5 рублей... Ясно-понятно?

Было ясно-понятно. Ремонт стоит чуть меньше, чем новый, сияющий никелем магазинный уют. Но куда денешься? Мастерские еще, к сожалению, недостаточно динамичны, а белье давно не глажено... Так и договорились полюбовно. К чему скрывать? Зачем лукавить? Воспользовался универсальный хапуга моей незащищенностью.

Я заговорил об этом эпизоде неспроста. Я заговорил о нем в связи со скромным почином другого мастера из другого жэка. А дело затеялось так.

Однажды на видном месте в конторе появилось объявление:

«Товарищи рабочие, служащие и пенсионеры! Бывший мастер нашего жэка Иван Иванович производит бесплатный ремонт швейных машин, патефонов, нагревательных и осветительных приборов, зонтов и прочих домашних вещей. Милости просим к нему от 14 до 18 часов».

Откликаясь на это объявление, десятки обитателей окрестных домов несли к Ивану Ивановичу для технического врачевания и швейные машины, и патефоны, нагревательные и осветительные приборы, а также зонты и прочие домашние вещи. И бескорыстный пенсионер, такие золотые руки, с энтузиазмом ремонтировал все подряд. Он чинил, паял, монтировал, повинаясь скромному велению сердца.

Веление сердца — это не привычная газетная фраза. Это не сентиментальный речевой оборот. Повинуясь сердечной воле, тысячи людей едут на стройки Сибири и в совхозы целины, сооружают объекты Большой Химии и оросительные системы в засушливых районах Средней Азии. По душевному приказу тысячи пенсионеров, не пожелавших доживать свой век в комнатной тиши, помогают молодежи оборудовать клубы и спортивные площадки, становятся неременными участниками общественных советов при жилищных конторах, школах, дворцах культуры. Становятся совершенно бескорыстно, безвозмездно, бесплатно.

И вот пожилой мастер тоже счел нужным предложить свой опыт и умение людям. Маленький участок быта, но в масштабе общих больших дел он тоже что-нибудь да значит. Помните, как говорил в свое время Владимир Маяковский:

Коммунизм
не только
у земли,
у фабрик в поту.
Он и дома
за столиком,
в отношеньях,

С того времени, как впервые отворились двери мастерской на общественных началах, миновало немало времени. Добровольное бюро добрых услуг функционировало поначалу на полную мощность. И уже в десятках квартир вновь завертелись бойкие колеса швейных машин, отремонтированных уверенной рукой умельца; уже зазвучали патефоны, возвращающие к музыкальной жизни; обрели нагревательные способности утюги, электрочайники и иные термоприборы. Можно было ожидать, что этот энтузиазм будет поддержан его товарищами по конторе, не менее искусными и опытными профессионалами. Можно было надеяться, что этот почин пенсионера найдет полное и широкое одобрение.

Но, видать, не всем пришлось по душе новое. Отыскались и здесь свои универсальные Петры Петровичи, большие любители пожить за чужой счет. Они поняли, что с каждым днем в их корыстных услугах будут нуждаться все меньше и меньше. В старом мастере они увидели прежде всего конкурента. И вот эти-то Петры Петровичи, почуяв угрозу своим левым заработкам, начали планомерную атаку на энтузиаста. Они пытались вызвать сомнения в его бескорыстии. Они старались опорочить его в строгих глазах начальства:

— Ишь, какой выискался ангел без крыльев. Ну чего он высовывается? Денег не берет?! Небось, тайком загребают...

И хотя сотни людей, которым доброволец помог восстановить и отремонтировать бытовые машины и приборы, утверждали, что мастер трудился абсолютно бесплатно, все же коммунальное начальство стало кривиться, когда речь заходила о бюро добрых услуг. И вскоре эти добрые услуги прикрыли. Универсальные Петры Петровичи снова обрели клиентуру. Являясь по аварийному вызову для починки, скажем, того же утюга, они заводили привычный разговор:

— Механизм модели РЦ-5Р... Не утюг, а, извиняюсь, ледокол в просторах Арктики... В порядке помощи человечеству так и быть возьму с вас 5 рублей. Ясно-понятно?..

Так свежее, пусть не крупное начинание пенсионера, не желавшего прозябать без дела, было подсечено на корню. Так увяло оно, не получив ни разумной поддержки, ни дальнейшего одобрения.

Можно предположить, что коммунальные руководители вознегодуют и проговорят с благородными нотками в голосе:

— К чему, друзья, весь этот шум?! Ведь против этого мы не против. И напрасно Иван Иванович нервничает и кипит. Мы тоже в курсе, что надо интенсивнее привлекать к труду ветеранов и долгожителей. Но ведь, понимаете, что-то здесь не так. Не слишком ли рано возник почин? Стоит ли нам высовываться без дальнейших спеуказаний?

Спеуказаний... Почины тем и дороги, что возникают снизу, из

народных глубин. Но подчас они гасятся — происходит ли это в лаборатории НИИ, в заводском цехе, в скромном жэке — испытанной перестраховочной формулой «Не высовываться! Как еще на это посмотрят наверху».

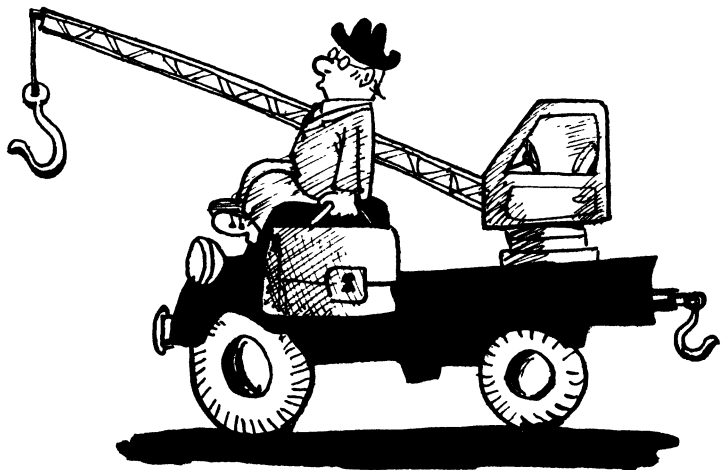
А что же наш добрейший Иван Иванович?

Хотя он и потерял сторонников среди коммунальных деятелей, но не потерял веры в необходимость и полезность начатого дела. Он не потерял надежды, что десятки благодарных жителей микрорайона возвысят голос в его защиту, что они найдут в себе силы и энергию, дабы восстановить бюро добрых услуг, которые еще так нужны нам всем. Иван Иванович еще бодр и полон энтузиазма. Он лелеет новые планы и собирается по-прежнему «высовываться» со свежими идеями. Он собирается организовать группу взаимных услуг, в которой каждый жилец готов помогать своему соседу в той области, которая ему больше всего знакома и привычна.

Слава энтузиастам!

БУМЕРАНГ

Обнародовав свое творение, фельетонист долго не может выкарабкаться из состояния относительного покоя. Вереница вопросов одолевает его: как читатели воспримут эпитеты и метафоры, не обидится ли персонаж на саркастические шпильки и какие, наконец, воспоследуют выводы под отчетной рубрикой «Меры приняты»?

Примерно такие же чувства испытывал и автор этих строк, пока не получил ответ на свой фельетон о некоем строительном начальнике П., не отличавшемся щепетильностью в финансовых делах. Как сообщалось, мой герой понес за свои прегрешения соответствующую кару и, предварительно дав клятву быть упомянутым только в хвалебных очерках, задал стрекача из республики с резко-континентальным климатом.

Автор с удовлетворением отер со лба творческий пот: не зря, значит, трудимся, не напрасно затачиваем рашпилем авторучки... И вдруг некоторое время назад прибывает листок, написанный

колеблющимся почерком. Работница строительной организации — уже другой не менее теплой республики — А. не без иронии пишет, что после моего фельетона, напечатанного в «Крокодиле», герой не только не перестроился, но, наоборот, проникнув на руководящий пост, увольняет честных хранителей материальных ценностей, гоняет из стороны в сторону автокран в личных целях и, кроме того, пикнуть не дает даже сдержанным критикам.

Письмо меня огорошивает. Вот так фактура! Вот вам и ответственность прессы! А когда я представляю, как мой подшефный участвует в авторалли на подъемной машинерии, а в это время энтузиасты строительства бродят по территории с кляпами во рту, возникает естественное желание выехать на место действия.

Первая, с кем я решил свидеться, была, понятно, автор письма А. Признаться, я застаю ее врасплох.

— Та чего вон до меня причепился? Я уже раз сказала, что хотя инженер меня наказал, так я не в претензии. А о его справах я и чулом не чую.

— Так, значит, не вы автор? — разочарованно протянул я.

Конечно, можно было выкинуть письмо прочь. Но я почувствовал себя заинтригованным. Кто же все-таки накропал это письмо и на какой предмет?

— А кто это «вон», который до вас причепился?

— Так то наш и. о. управляющего. А у вас, бачу, много очевидцев помянуто. Вы их и пошукайте.

Ладно, говорю я себе, пошукаем очевидцев, может, они что-нибудь чулом чуяли. Отыскав указанные адреса, я сразу же, как в протекающую неподалеку реку, окунаюсь в обстановку. Верно, говорит осведомленный работник треста Б., мой герой перевел главную хранильницу материальных ценностей А. с ответственного места на менее ответственное. Но она вроде не в претензии. Правильно, подтверждает он, однажды мой подопечный прокатился на автокране. Но вся штука в том, что машины были в разгоне, а в тресте затевалось экстренное совещание. А насчет остального лучше бы вам потолковать с другими очевидцами.

Словом, осведомленный работник треста раскрыл передо мной панораму событий. Да, мой герой прикатил к ним, имея в активе руководящий опыт и строгий выговор. Но кто не ошибается на своем веку? И разве грядущим трудом он не может искупить свои былые погрешности? Ведь критика вовсе не значит, что ему заказан путь к совершенствованию. Не правда ли?

— Истинная правда! — подтверждаю я. — Так он совершенствуется?

— Еще как! Человек он сноровистый, динамичный, волчком, можно сказать, вертится на благо строительства... И, если хотите, оказался лучше своей репутации.

Хорошо, черт возьми, сказано! Ну, а как он оказался все же глав-

ным инженером треста? И тут мне поведали, что прибыл мой герой в обетованный край скромным инженером. Но когда пришлось уволить набедокудившего бывшего главного инженера, возникла идея назначить П. на это место. Тем более что к этому времени он проявил в полном объеме описанные выше черты достоинства. Правда, назначили не без короткой борьбы с противниками этой акции, на стороне которых принял участие и. о. управляющего трестом. Но указание высшей инстанции сломило и его сопротивление. С той поры строители получают материалы рассчитанно и полностью, а со складов даже мышь не проскользнет... Впрочем, потолкуйте и с нашим и. о.

И. о. поднимается мне навстречу, церемонный и учтивый.

— Позвольте позжать вашу творческую руку. Как хорошо, что есть общественность, которая никому не позволяет... А он, понимаете, завскладом уволил — раз, механика прижал к ногтю — два, и это не говоря о том, что устроил, понимаете, гонки на автокране...

— Знаю, знаю,— нарушая дипломатический протокол, перебиваю я.— Энтузиастам пикнуть не дает, так?

— Не дает, не дает! — оживился мой собеседник.— Сделаешь шаг — он на пути. Сделаешь другой — он твердит: «Воспрещается!» Ну, прямо, как в городском саду — «По газонам не ходить!».

— А надобно ходить?

— Я человек с широтой и замахом... Народ считает, что после фельетона он сидел бы и не рыпался... Ведь вы сами убедились, верно?

Признаться, самый тон этого заявления, такая широкая осведомленность о тексте письма и моих встречах наводили на смутные подозрения. Я ведь тоже кое о чем уже был информирован. Ну, например, о том, что широта его проявлялась в том, как он вместе с бывшим главным инженером списал годные строительные фабрика-ты на многие тысячи рублей, чтобы угодить сторонним организациям. А замах проявился в основном на склады, откуда он черпал, несмотря на протесты главного инженера, по баснословно заниженным ценам оборудование для своей очаровательной дачки.

Я не удержался и поведал и. о. известные на этот счет сведения. К моему удивлению, вместо смущения на его лице заиграла улыбка.

— Исключительно для престижа. Быть у колодца и не напиться водицы, да меня же засмеют коллеги. Впрочем, стоит ли эта мелочь вашего внимания? Ведь вы приехали, как я понимаю, чтобы снова разоблачить своего старого героя. Так будет фельетончик? Как хорошо, что есть общественность, которая никому не позволяет...

Ладно, с этим вроде ясно. Но все-таки кто же написал роковое письмо? Может, и в самом деле прижаты к ногтю механик? И вот мой визит к нему. Он был краток и решителен. Вместо диалога, на который я рассчитывал, механик достает из широких штанин копию докладной, написанной им в партком. С изумлением я читаю: «И. о.

управляющего трестом сказал мне, что главный инженер собирается меня уволить за то, что я его маленько покритиковал. Хорошо бы его опередить и опять бабахнуть фельетоном. Добьем его, и нам станет жить вольготнее. Когда я сказал, что в таких делах не участник, и. о. пригрозил: «Смотри, его назначат управляющим, как ты тогда запоешь!»

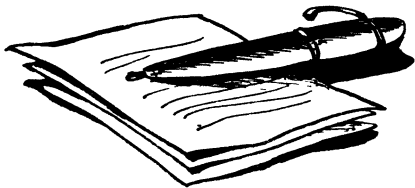
Последний визит вежливости я нанес, наконец, моему подопечному П. Я покривил бы душой, сказав, что он встретил меня с душевной радостью.

— Нет уж, баста! Обжегшись на молоке, я теперь не только сам дую на все виды жидкости, но и другим заказываю.

Признаться, я испытываю удовлетворение. Конечно, наивно полагать, что после ударов критики герои фельетонов мгновенно раскаиваются и отрачивают на лопатках тюлевые ангельские крылышки. Но если, говоря высоким слогом, они остерегаются впредь нарушать правопорядок, если они извлекают из дефектов прошлого нравственный урок — не это ли высшая награда для фельетониста?!

Ага, вот они, какие пироги! Похоже на то, что вдохновителем письма был все тот же и. о.? Сдается, чтобы устранить мешающего ему соперника, он воспользовался моим фельетоном. Коварный, надо сказать, прием.

Но таковы превратности коварства: письмо бумерангом вернулось назад и дало немало сущего для нового фельетона. В итоге я опять вступаю в состояние волнения: как читатели воспримут эпитеты и метафоры, не обидится ли мой персонаж на критические шпильки, и какие воспоследуют выводы для отчетной рубрики «Меры приняты»?

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛУКРУГ СЕМЬИ

Может, все-таки Лобачевский?	3
Вендетта по-научному	7
Безмен Фемиды	11
Согласно обычаям	14
Последний долг	17

КВАДРАТУРА КРУГА

Гений или злодей?	22
Тариф на час	27
Птичка небесная...	31
Ежели вы вежливы...	34
Дымагогия	37
Не высовывайся!	40
Бумеранг	44

ЯН АЗАРОВИЧ ПОЛИЩУК

ГЕНИИ ИЛИ ЗЛОДЕИ ?

Редактор В. И. Свиридов.

Техн. редактор С. М. Вайсборд.

Сдано в набор 23.04.84. Подписано к печати 22.06.84 г.
А 12809. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л. 2,81. Тираж 75 000. Изд. № 1739. Заказ № 2677.
Цена 20 коп.

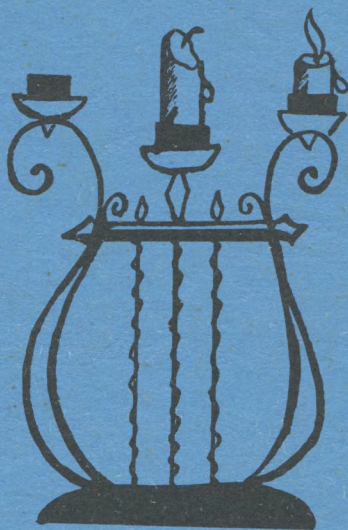
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. и. Ленина.
Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Как это ни элегично звучит, в моем возрасте пора бы подбивать литературные итоги. Прикинул я и так и сяк — получилось ли за тридцать творческих лет все запрограммированное?

Ну, написал в соавторстве со своими друзьями роман-фельетон «Не проходите мимо» и памфлет «Золотая свинья». Ну, издал более двадцати книжек публицистических очерков, рассказов и фельетонов. Ну, передал по эфиру несколько шуточных радиопьес. Ну, перевел на русский язык десяток сборников моих коллег — сатириков из национальных республик.

Мало это или не очень? Хорошо или наоборот? Пусть судит читатель, приняв во внимание, разумеется, и эту мою десятую книжку, вышедшую в библиотеке Крокодила.

Впрочем, отметем элегическую ноту. Как водится у фельетонистов, обопремся на классиков. Кажется, Виктор Гюго сказал в утешение: «Тридцать лет — это зрелость юности, шестьдесят лет — юность зрелости...» Исходя из этого, продолжаю дописывать новую повесть «Соната-апансионата».

30

Цена 20 коп.

Индекс 72 996.